

ЮРИЙ ВОРОТНИН

ДО ПОСЛЕДНЕГО КРАЯ

* * *

Вот и кончилось время прощаний,
Обустроен последний приют,
Мы уходим туда не с вещами —
Вещи дольше хозяев живут.

Их удел — средь завалов подённых
Больше века из рук не сходить,
Чтоб ещё на земле не рождённых
И уже неживых породнить,

Чтоб спросонья в тягучем тумане
Слышал я сквозь столетний гранит,
Как у прадеда в чайном стакане
Колокольчиком ложка звенит.

СКОМОРОХ

Мне родина рюмку нальёт,
Я выпью и стыд потеряю,
Губною гармошкой рот
Расквашу от края до края.

ВОРОТНИН Юрий Иванович родился в 1956 году в поселке Пирово Тульской области. Окончил Тульский политехнический институт. Печатался в альманахе "Поэзия", в "Литературной газете", в газете "Московия литературная". Автор книг "Стихотворения" и "Осень в райских садах". Член Союза писателей России. Живет в городе Дедовск Московской области.

На слово последнее скор,
Подхваченный резвым мотивом,
На всех заведу разговор
О нашем житье терпеливом.

Под горку покатится речь
И враз опрокинет границы,
Коль слово от слова зажечь,
Всё дальше само разгорится.

И выгорит в памяти путь
Родной, изначальный, заветный,
Он рядом — ладонь протянуть,
Но вдруг зашатаюсь под ветром.

Не сдюжу раскачивать Русь,
Пожухну, как травы к Успенью,
И правду, которой боюсь,
Опять рассказать не успею.

С размаху шагну в забытьё
И стану в смятенье минутном
Следить, как дыханье моё
Густеет во времени смутном.

* * *

Не выдержу — в темнице,
Свечою разгорюсь,
Не ветхой плащанице —
Создателю молюсь.

И память держит цепко
Заученный урок,
Что церковь — только церковь,
А Бог — и вправду Бог.

Как мёртвый лес, корчую
Живое существо,
И страх бессилья чую,
И чувствую родство.

1612

С. Ю. Куняеву

Убежали из Рязани,
Укатали из Твери,
Вслед за нами, как цыгане,
Потянулись пустыри.
Мы бежали из Смоленска,
Из Калуги и Орла,
Нас в чужое тягло с треском
Смута горькая впрягла.

Вольность тёмного разгула,
Обращая нас в рабов,
Своротила Туле дуло,
Загнала в леса Тамбов.

А увенчанный расстрига
С беглым чёртом за плечом
Откровенья в Божьих книгах
Правил масляным квачом.

В эти дни я жил и не жил,
Небо попусту коптил,
И слезился глаз медвежий
И за мной из тьмы следил.
И одно меня держало,
Всем законам вопреки,
Знал я — Минин на державу
Собирает медяки.

* * *

Небеса надо мной то белы, то свинцовы, то сини,
А земля подо мной то прозрачна, то ярко черна.
И дрожит моя жизнь между ними, как тощій осинник,
И плывут мои дни между ними на лёгких челнах.

Загляжусь в облака, раскачает мне голову ветер,
Загулял бы с размахом, но спутаны ноги травой.
Кто за царство земное моею судьбою ответил,
Как за Царство Небесное сам я ответил с лихвой?

Как зависимо всё, как загадано — спаяно прочно!
Жизнь из праха встаёт и опять обращается в прах.
И трепещет осинник от света звезды полуночной,
И подземные воды качают звезду на весах.

* * *

Не то, чтоб сеял зло,
В необъяснимой страсти
Звериное число
Раскладывал на части.

Мне ночью не спалось,
Мне днём не просыпалось,
Я чувствовал, как ось
Земная напрягалась,

Как шли материки
Открыто друг на друга,
Как, Солнцу вопреки,
Сойти пытались с круга.

Я понимал: игра
Моя давно за краем,
И знал: земля сыра,
А рай необитаем.

* * *

Ласточки ниже и ниже,
Крыльями режут траву.
Я никого не обижу,
Если свой срок доживу.

Солнце уже не согреет,
Холод уже не возьмёт.
Что же всё ласточки реют?
Что же всё дождь не идёт?

Видно, небесная сила
Выдала нам оберег,
Чтобы мгновенье застыло,
Остановилось навек,

Чтобы все вместе присели
Перед разлукой гуртом,
Вспомнить, что было доселе,
Думать, что будет потом.

* * *

...до последнего края.
Юрий Кузнецов

Дует ветер с чужой стороны,
Завывает в нехоженных даях.
От рождения чувство вины
Растолковано мне на скрижалях.

Наградили, смеясь, ярлыком,
Расписали затылок ли, лоб ли...
И живу на земле дураком
И впрягаюсь в любые оглобли.

Но попробуй меня валуном
Докатить до последнего края —
Опрокинутся реки вверх дном,
И земля отворится сырая.

Оправданья судьбе не ищу,
И межой затянувшись уездной,
Жизнь свою обращаю в пращу
И с возмездьем взлетаю над бездной.

* * *

Даже если уже не проснуться без болей в суставах,
Даже если без боли в суставах уже не уснуть,
Погуляю во сне на проросших подшёрстком отавах,
Помытарю глазами росы зазеркальную ртуть.

Костяная нога достучит до полян костяники,
Но едва приголублю мерцающих ягод живьё,
Раскромсают мой сон петушиные крепкие крики,
И закатится явь леденцами под сердце моё.

Из угодий ночных, из оконца дворца лубяного,
Из-за веток стальных, из забытого всеми угла
Посмотрю на себя — и не мёртвого, и не живого,
Пожалею тебя, что меня до сих пор берегла.

АРХАНГЕЛЬСК

Не сыщет Господь виноватых,
Когда, как иголку в стогу,
С холмов среднерусских покатых
Заметит Архангельск в снегу.

Погладит копчёные срубы,
Болота слезой оживит
И спросит: “Начищены ль трубы,
В какие Архангел трубит?”

* * *

Спотыкаюсь, стреножусь на каждой версте.
Вбита в землю по горло верста.
А тому, кто хоть раз повисел на кресте,
Даже дня не прожить без креста.

Не жалею себя и к другим без щедрот,
И смотрю до окалин в глазах,
Как качается гать от совиных болот
До совиной звезды в небесах.

Ни прощеньем твоим, ни слезой на ветру
Не унять мне тоски ломовой,
И вбиваю с размаху в пространство версту,
Чтоб не кончился тракт столбовой.

* * *

Дорога старая ямская,
Польнь с обочин и репей...
Всё глуше боль во мне людская,
Всё ближе горе пустырей.

И страшно мне в местах бездонных
С совой когтистой на плечах
Смотреть в глаза домов бездомных,
Где стынет изморозь в печах.